

ФАКТОРЫ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗА ПЕРИОД 2000–2020 гг.*

Виктория Викторовна АКБЕРДИНА

доктор экономических наук, член-корреспондент РАН,
заместитель директора Института экономики УрО РАН,
Екатеринбург, Российская Федерация
akberdina.vv@uiiec.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6463-4008>
SPIN-код: 3338-6438

История статьи:

Рег. № 309/2021
Получена 27.05.2021
Получена в
доработанном виде
13.06.2021
Одобрена 30.06.2021
Доступна онлайн
16.08.2021

УДК 338.1

JEL: F52, H12, O11

Аннотация

Предмет. Воздействия шоков на экономическую динамику в периоды очередных кризисов. При этом воздействие экзогенных шоков, вызывающих в одних странах неблагоприятные последствия для экономического развития, может оказаться незначительным для ВВП других стран.

Цели. Выявление факторов резильентности российской экономики на примере трех кризисов различной природы в период 2000–2020 гг. на основе теоретического обзора понятия «экономическая резильентность» и факторов резильентности экономических систем по отношению к шокам различной природы.

Методология. В качестве основного метода исследования в работе используется метод декомпозиции макроэкономических показателей. Для оценки резильентности экономики России и ряда развитых государств использовались макроэкономические показатели, связанные с динамикой ВВП и уровня безработицы. Методология исследования факторов резильентности экономики основывается на выделении двух групп факторов – «врожденных» и «приобретенных» (адаптивности).

Результаты. Показано, что в период мирового финансового кризиса 2008 г. экономика России продемонстрировала такие «врожденные» факторы, как наличие значительных резервов и мобильность капитала между финансовым и промышленным сектором, а также адаптивные факторы, связанные с антикризисной политикой государства. Факторами резильентности экономики России в период санкций стали огромный потенциал промышленности и R&D сектора, значительные резервы для развития производств, обеспечившие реализацию политики импортозамещения. И, наконец, в 2020 г. Россия справилась с кризисом существенно лучше, чем ведущие мировые державы, благодаря преобладанию крупного бизнеса с государственным участием и локализации цепочек добавленной стоимости внутри страны.

Выводы. Обоснована объективность факторов резильентности экономики России в условиях мультикризисности – совокупности кризисов финансовой, торговой, политической

Ключевые слова:

резильентность,
устойчивость,
экономические шоки,
кризисы

и пандемической природы.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2021

Для цитирования: Акбердина В.В. Факторы резильентности в российской экономике: сравнительный анализ за период 2000–2020 гг. // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2021. – Т. 17, № 8. – С. 1412 – 1432.
<https://doi.org/10.24891/ni.17.8.1412>

Введение

Исторический опыт наглядно свидетельствует о том, что по отношению к экономическим и финансовым шокам экономическая система любого уровня может оказаться негибкой и неустойчивой. При этом воздействие экзогенных шоков, вызывающих в одних странах неблагоприятные последствия для экономического развития, может оказаться незначительным для ВВП других стран. А мировой кризис, вызванный распространением новой коронавирусной инфекции в 2020 г., наглядно показал, насколько уязвимы целые государства, регионы и сообщества перед лицом шоков неэкономической природы.

Во время резкого эндогенного шока страны и регионы уделяют огромное внимание смягчению последствий, в то время как активные превентивные действия могли бы не только сократить прямые потери, но и значительно уменьшить антикризисный бюджет. Превентивные действия, направленные на повышение гибкости и адаптивности экономики, позволяют избежать некоторых потенциальных потерь благодаря усилению такого свойства социально-экономической системы, как резильентность.

Цель настоящей статьи – выявление факторов резильентности российской экономики на примере трех кризисов различной природы за период 2000–2020 гг. Одной из задач статьи является теоретический обзор понятия «экономическая резильентность» и факторов резильентности экономических систем по отношению к шокам различной природы. Эмпирическая задача связана с обоснованием доказательств наличия свойства резильентности у национальной экономики России и ряда развитых стран.

Краткий теоретический обзор

Шоки являются неотъемлемой частью экономической динамики. В макроэкономической теории шоки определяются неценовыми факторами, смещающими кривые спроса и предложения и приводящими к формированию новой точки равновесия. В теории циклов под шоками

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России для Института экономики Уральского отделения Российской академии наук.

понимаются независимые импульсы волновой динамики, запускающие процессы причинно-следственных связей, обеспечивающих цикличность развития экономической системы.

Природа шоков, приводящих к экономическим кризисам, может быть совершенно разнообразна. Это могут быть природные и техногенные катастрофы, глобальные экономические изменения, политические решения, быстрые технологические изменения и многое другое. Прошлый год преподнес нам новый вид мирового кризиса, вызванный пандемией [1].

Экономические шоки могут быть как резкими, одномоментными (например, природная катастрофа), так и медленнотекущими (например, технологические изменения и вызываемые ими большие циклы Кондратьева). Соответственно, любая экономическая система – национальная экономика, регион, отрасль или предприятие – должна дать определенный отклик на шок. От того, насколько экономическая система обладает свойством резильентности, будет зависеть, насколько быстро она выйдет из рецессии, полностью восстановится и продолжит рост.

Понятие «резильентность» довольно близко к понятиям «устойчивость», «сопротивляемость», «стойкость» и «прочность». Однако акцент в понимании резильентности мы сделаем на дословном переводе этого слова – «упругость», «эластичность», «гибкость». Резильентность прямо соотносится со скоростью, с которой любая система возвращается к своему исходному состоянию после шока, полностью поглощая экзогенный импульс.

Первоначально понятие резильентности вошло в экономические исследования как междисциплинарный термин. Первые упоминания о резильентности в контексте экономических потерь и способности экономической системы их компенсировать относились к оценке последствий техногенных и природных катастроф [2, 3]. Экологи впервые дали полезное, широкое определение резильентности, связанное с «выживанием» сложных систем. Так, например, К. Холлинг и другие экологи [4], а также некоторые экономисты-экологи [5] определяли резильентность достаточно широко как способность поглощать стресс и потрясения. Чаще всего именно Холлинг упоминается как первый исследователь, который определил резильентность в качестве способности систем поглощать изменения. Холлинг называл это свойство «буферной емкостью». Именно концепция «буфера», способного приглушить влияние внешнего шока, наилучшим образом соответствует понятию резильентности в экономике. Речь идет не просто о снижении экономической активности, а скорее, о фактическом снижении по сравнению с потенциальным.

Р. Тинч [6] впервые заговорил о соотношении резильентности с понятиями «стабильность», «стойкость», «устойчивость», «неуязвимость». С. Леле [5] отмечал, что резильентность тесно связана с сохранением возможностей дальнейшего развития.

Экономическая резильентность в контексте экологических проблем описывалась в исследованиях К. Тирни [7] в контексте организационного поведения и реакции общества, Л. Комфортом [8] в контексте нелинейного адаптивного управления (как со стороны государства, так и со стороны частного бизнеса) и У. Петаком [9] – в контексте производительности труда в экономике.

У.Н. Адгер [10] был одним из первых, кто распространил экологическое определение резильентности на общество в целом. Он исследовал социальную резильентность, с одной стороны, как понятие, связанное с социальным капиталом, а с другой стороны, раскрыл это понятие с точки зрения экономических факторов, институтов и рынка труда.

Новый виток интереса к понятию экономической резильентности проявился после глобального финансового кризиса 2008 г. [11–14]. Тогда экономисты заговорили о факторах упругости мировой экономики, понимая под этим способность быстрого возвращения экономической системы в исходное состояние в ответ на структурный или системный сбой. Многие исследователи обратились к изучению экономической резильентности, используя традиционно экономические показатели – валовой внутренний продукт и уровень безработицы [15, 16].

Авторы значительного числа публикаций рассматривают шоки как изменение траектории экономического развития. С. Дэвис в своих исследованиях [17] предложил концепцию региональной резильентности и изучил влияние мирового финансового кризиса 2008–2010 гг. на различные страны Европы. Р. Мартин [18] развил идею региональной резильентности и исследовал возможности ее применения для изучения ответа региональных экономик на значительные шоки. Он охарактеризовал экономическую резильентность как обусловленный шоком процесс, который включает в себя четыре составляющие: сопротивление, восстановление, обновление и переориентацию.

Анализируя публикации, посвященные экономической резильентности, можно сформулировать два подхода к ее пониманию (*рис. 1*). Первый подход – *технический, или равновесный*. Также в литературе его называют «инженерным» подходом. Этот подход рассматривает резильентность как возвращение к ранее существовавшей точке равновесия. Критерием данного подхода является скорость возвращения в исходное состояние (по аналогии с упругостью материалов). В данном подходе значительную

роль играет «сила» шока – интенсивность и продолжительность воздействия на экономическую систему.

Второй подход – *экосистемный, или эволюционный*. Данный подход определяет резильентность как непрерывную адаптацию к постоянно меняющимся условиям. Соответственно, критерием этого подхода является эластичность экономической системы.

В *табл. 1* представлены несколько наиболее цитируемых понятий резильентности. Мы видим, что везде присутствует акцент на внутренние способности экономической системы «прогнуться» и восстановиться после шока за счет структурной адаптации. Сформулируем собственное авторское определение. *Экономическая резильентность – это способность экономики полностью восстанавливаться после воздействия шоков различной природы за счет внутренних адаптивных свойств*. В данном определении можно увидеть принципиальное отличие резильентности от устойчивости. Когда мы говорим об устойчивости экономической системы, то имеем в виду некоторые действия *предсобытийного характера*, которые направлены на смягчение последствий будущих кризисов. В отличие от этого, резильентность – это свойство, имеющее *постсобытийный характер*. Соответственно, вся цепочка управления рисками может быть представлена в виде функции, в которой факторы резильентности будут выступать в качестве одной из переменных:

$$\text{Риск} = F(\text{Угрозы}, \text{Уязвимость}, \text{Последствия}, \text{Резильентность}).$$

При этом посткризисный характер динамики экономической системы может варьироваться в зависимости именно от факторов резильентности (*рис. 2*). Так, после шока экономическая система может вернуться на траекторию своего развития (кривая *A*). Это говорит о нейтральном эффекте воздействия внешних шоков на систему, при котором адаптивные механизмы восстановления динамического равновесия эффективно компенсируют воздействие шоковых импульсов, сохраняя на прежнем уровне пределы устойчивости экономической системы [19].

Экономическая система может восстановиться на более низком уровне, чем в предкризисные годы, но развиваться далее с прежними (кривая *B*) или замедленными (кривая *C*) темпами. Случаи *B* и *C* рассматриваются как проявление энтропийного эффекта, при котором шоковое воздействие внешних факторов меняет траекторию саморазвития экономической системы, запускает новую траекторию развития на фоне снижения пределов устойчивости системы.

Также экономическая система может совершить «отскок» и выйти на более высокий, чем докризисный, уровень, причем шок в данном случае может рассматриваться как «окно возможностей» и расширение пределов

устойчивости самой системы (кривая *D*). В случае с кривой *D* мы можем говорить о негэнтропийном эффекте действия шокового импульса, который обусловлен взаимным наложением траектории саморазвития экономической системы и положительным воздействием внешних факторов.

Поскольку под экономической резильентностью мы понимаем способность системы поглощать или смягчать потери, реконфигурироваться и обновляться, то и факторы резильентности нужно искать внутри самой системы (*рис. 3*). Выделим следующие две группы факторов:

- 1) «врожденные» факторы экономической системы (например, сложившийся эволюционный путь, структура экономики, особенности рынка труда, способность предприятий заменять исходные ресурсы теми, которые оказались дефицитными, или способность рынков перераспределять ресурсы в ответ на ценовые сигналы);
- 2) «приобретенные» (адаптивные) факторы экономической системы – способность экономики в кризисный период сглаживать последствия кризиса благодаря дополнительным усилиям (к ним могут быть отнесены государственная политика, национальная инновационная система, доступное финансирование и др.).

Далее рассмотрим указанные факторы резильентности экономики на примере России и ряда развитых стран.

Методы и данные исследования

Для исследования факторов резильентности будем использовать фактические данные о приростах ВВП национальных экономик России, Великобритании, США, Германии и Франции за период 2000–2020 гг. и прогнозные данные на период 2021–2026 гг. Источником данных выступает Международный валютный фонд. В качестве основного метода исследования используется метод декомпозиции макроэкономических показателей.

Результаты и их обсуждение

На *рис. 4* представлен график приростов ВВП России, Великобритании, США, Германии и Франции за период 2000–2020 гг., на *рис. 5* – абсолютные значения ВВП России. Рассмотрим основные поворотные точки экономической динамики. Мировая экономика в этот период столкнулась с двумя кризисами – мировым финансовым кризисом 2008 г. и кризисом 2020 г., вызванным пандемией коронавируса. Для России в этот период добавился еще один кризис – санкционный (2014–2020 гг.). Таким образом, относительно России можно говорить о *мультикризисности* – совокупности кризисов финансовой, торговой, политической и пандемической природы.

Первый экономический шок XXI в. – это мировой финансовый кризис 2008 г. Он развился из финансового кризиса, начавшегося в США. В 2009 г. темп роста мирового ВВП впервые со времен Второй мировой войны оказался отрицательным. Российский кризис 2008 г. начался как кризис частного сектора, спровоцированный его «чрезмерными заимствованиями». Мы видим, что спад российской экономики значительно превышал спад экономики ведущих стран (см. *рис. 4*). Банковский кризис ликвидности, обвал биржевых индексов, сокращение цен на экспорт в конце 2008 г. сказались на реальном секторе экономики: начался резкий спад промышленного производства, рост безработицы.

При этом следует отметить, что рынок труда России оказался более гибким, нежели в США (*рис. 6*). В ответ на кризис в 2009 г. безработица в России возросла до 8,2%, в то время как в США – до 9,2%. Если посмотреть на темп снижения ВВП в этот же период, то в России он составил –7,8%, а в США – –2,5%.

Спад продолжился в 2009 г. В конце 2008 г. начали действовать первые антикризисные механизмы, связанные с решением самой сложной проблемы: укреплением финансовой системы России. Основные направления государственной антикризисной политики представлены в *табл. 2*. Уже в 2010 г. российская экономика полностью отыграла столь резкое падение, фондовый рынок России стал лидером роста в мире.

Если проанализировать данные *рис. 5* и вернуться к теоретическому графику (см. *рис. 2*), то станет понятно, что после шока мирового финансового кризиса экономика России пошла по кривой А, когда была восстановлена докризисная траектория развития с сохранением прежних темпов роста.

Второй шок для России в этом тысячелетии сугубо индивидуальный – международные экономические санкции. Впервые санкции к России США и ряд других государств применили в 2014 г. Первый пакет санкций был символическим актом проявления недружественного отношения к Российской Федерации. Первая волна санкций 2014 г. не оказала значительного влияния на экономику. Ограничения 2015 г. оказались существеннее, поскольку затронули конкретные организации и банки, кроме того, были введены санкции на импорт технологий и вооружения. Ожидаемый эффект от данного пакета санкций прогнозировался достаточно высоким, проводящим к резкому дефициту государственного бюджета. Однако чуть позже Аналитическое кредитное рейтинговое агентство заявило, что санкции оказали слабое влияние на российские банки и предприятия.

Это видно по небольшому снижению ВВП РФ в 2015 г., хотя уже в 2016 г. мы перешли с отрицательного на нулевой темп роста, а в 2017 г. начался

уверенный восстановительный рост. На *рис. 5* также видно, что посткризисная динамика соответствует кривой *A* на *рис. 2*.

Санкции создали значительные возможности для перепрофилирования экономики России с производства сырья на выпуск высокотехнологичной продукции с высокой долей добавленной стоимости. Ограничения оказались мощным импульсом для импортозамещения и локализации новых производств на территории страны.

Кроме того, в ответ на санкции Россия в 2014 г. ограничила импорт продовольственных товаров из государств, присоединившихся к санкциям. Это способствовало вытеснению зарубежных конкурентов с российского продовольственного рынка, создавая возможности экономического роста для отечественных сельхозтоваропроизводителей и укрепляя продовольственную независимость России.

Важно отметить, что санкции не привели в росту безработицы в нашей стране (см. *рис. 6*). С 2015 по 2019 г. уровень безработицы в России уверенно снижался во многом благодаря политике импортозамещения.

Третий шок – это экономический кризис, вызванный пандемией. Из данных, представленных на *рис. 4*, видно, что его влияние чуть более существеннее, чем от введения санкций, но значительно меньше (более чем в два раза), чем кризиса 2008–2009 гг. Если сравнивать падение экономики в 2020 г. с предыдущими кризисами, то снижение ВВП России в 2020 г. (–3,1%) оказалось несколько хуже результата кризисного 2015 г. (–2%), но заметно лучше, чем от кризиса 2009 г. (–7,8%).

При этом мы видим, что падение экономики России оказалось существенно меньшим, чем у ведущих мировых стран. Хотя экономика России сократилась в 2020 г. на 3%, в основном из-за падения добычи полезных ископаемых, ее динамика оказалась одной из лучших среди 15 стран с крупнейшим ВВП. Лучше, чем Россия, с пандемией, судя по официальным данным, справился Китай. Россия впервые прошла кризис лучше, чем мир в целом: падение ВВП составило 3,1% против 3,5% в глобальной экономике.

При этом уровень безработицы в России вырос, но не так драматично, как, например, в США. Если в России уровень безработицы с 2019 по 2020 г. вырос с 4,6 до 5,7%, то в США он взлетел с 3,6 до 8,1% (см. *рис. 6*).

Международный валютный фонд в своих прогнозах (пунктирные линии на *рис. 4–6*) закладывает значительный ресурс «упругости» российской экономики, что позволяет говорить о незначительном восстановительном периоде и возвращении на прежнюю траекторию развития (кривая *A* на *рис. 2*).

Так, в 2021 г. российская экономика начала «отскок» за счет восстановления материального сектора экономики. Уже в марте нынешнего года индекс промышленного производства составил 101,1% к марту 2020 г. (до начала кризиса), 112,2% – к февралю 2021 г. и 106,3% – к среднемесячному значению индекса в докризисный период. В I кв. 2021 г. отмечается рост строительного сектора: по сравнению с I кв. 2020 г. объемы ввода в эксплуатацию жилья увеличились на 15,4%. Строительный сектор всегда рассматривается как индикатор деловой активности экономики. В январе 2021 г., по оперативным данным, сальдированный финансовый результат крупных и средних промышленных организаций составил 1 359,4 млрд руб., или 135%, по сравнению с январем 2020 г.

Уровень безработицы в марте 2021 г. составил 5,4%. Численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в марте 2021 г. составила 75 млн чел., из них 71 млн чел. классифицировались как занятые экономической деятельностью и 4,1 млн чел. – как безработные, соответствующие критериям МОТ.

В табл. 2, таким образом, представлены факторы резильентности российской экономики к шокам различной природы. Так, в период мирового финансового кризиса 2008 г. экономика России продемонстрировала такие «врожденные» факторы, как наличие значительных резервов и мобильность капитала между финансовым и промышленным секторами, а также адаптивные факторы, связанные с антикризисной политикой государства. Факторами резильентности экономики России в период санкций стали огромный потенциал промышленности и R&D сектора, значительные резервы для развития производств (так называемые «гринфилд» и «браунфилд»), обеспечившие реализацию политики импортозамещения. И, наконец, в период кризиса 2020 г. Россия справилась с кризисом существенно лучше, чем ведущие мировые державы, благодаря преобладанию крупного бизнеса с государственным участием и локализации цепочек добавленной стоимости внутри страны.

Заключение

Анализ теоретических подходов позволяет нам утверждать, что резильентность экономики принципиально отличается от понятия «устойчивость экономики». Концепция «управления рисками» или не так давно получившее распространение выражение «риск-ориентированное управление» показывают недостаточную практическую полезность, поскольку ошибок при принятии решений не становится меньше. Следовательно, необходима иная парадигма, исходящая не из рисков, а из собственных факторов и ресурсов, составляющих потенциал резильентности.

Анализ значительного объема академической литературы показал, что, первоначально опираясь на традиции экологической резильентности и концепций упругости из области инженерных наук, концепция экономической резильентности в настоящее время начинает созревать и вносить свой вклад как в теорию экономической динамики, так и в теорию и практику государственной политики.

Исследование шоков для российской экономики позволило выделить ряд ключевых факторов резильентности, обеспечивших ей быстрый восстановительный рост и выход на сложившуюся траекторию экономического развития.

Таблица 1

Основные определения экономической резильентности

Table 1

Basic definitions of economic resilience

Автор(ы)	Определение
Бригульо и др. (2006 г.)	Способность экономики восстанавливаться или приспосабливаться к последствиям неблагоприятных потрясений
Дюваль и др. (2007 г.)	Способность экономики в ответ на шоки поддерживать объем производства, близкий к потенциальному
Хилл и др. (2008 г.)	Способность экономики успешно справляться с шоками, которые вызывают либо замедление ее роста, либо в значительной мере ограничивают рост
Мартин (2012 г.)	Способность экономики в ответ на шоки адаптировать свою структуру таким образом, чтобы поддерживать приемлемый рост производства, занятости и благосостояния с течением времени
Роуз (2007 г.)	Способность системы поддерживать свое функционирование при шоке
Роуз и Краусманн (2013 г.)	Свойство экономики, характеризующее скорость ее восстановления после шока

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 2

Сравнение шоков и факторов резильентности экономики России за период 2000–2020 гг.

Table 2

Comparison of shocks and factors of resilience of the Russian economy, 2000–2020

Шок	Действие кризиса	Меры экономической политики	Факторы резильентности
Мировой финансовый кризис (2008 г.)	Кризис частного сектора, спровоцированный его чрезмерными заимствованиями в условиях глубокого тройного шока: со стороны условий внешней торговли, оттока	Инструменты денежно-кредитной, бюджетной и фискальной политики, нацеленные на обеспечение погашения внешнего долга крупнейшими банками и корпорациями, снижение	Наличие резервов. Мобильность капитала между финансовым и промышленным секторами

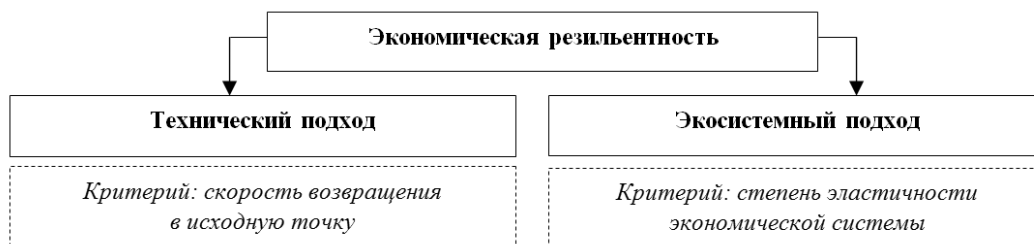
	капитала и ужесточения условий внешних заимствований	дефицита ликвидности и рекапитализация основных банков. Расходы бюджета на антикризисные меры – 3% ВВП	
Международные санкции (2015–2020 гг.)	Первоначально – отток иностранных инвестиций, замораживание инвестиционных проектов, снижение ВВП. Впоследствии – смена торговых партнеров, рост производства за счет импортозамещения, рост финансирования исследований и разработок	Государственные программы по импортозамещению и локализации производств на территории России. Масштабная программа поддержки экспорта. Доступ промышленных предприятий к дешевому финансированию. Расходы бюджета на антикризисные меры – 2,2% ВВП	Огромный потенциал промышленности и R&D сектора. Значительные резервы для развития производств (гринфилд и браунфилд)
Пандемия COVID-19 (2020 г.)	Беспрецедентная остановка деловой активности, обвал цен на нефть и падение спроса на экспорт. Пандемический кризис привел к падению ВВП, рекордному сокращению реальных располагаемых доходов населения, росту безработицы, торможению потребления и инвестиций	Инструменты селективной поддержки отраслей, государственная поддержка системообразующих предприятий, поддержка занятости и доходов, освобождение от платежей и контрольно-ревизионных проверок. Расходы бюджета на антикризисные меры – 1–1,5% ВВП	Преобладание крупного бизнеса с государственным участием. Локализация цепочек добавленной стоимости внутри страны

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 1
Основные подходы к пониманию экономической резильентности

Figure 1
Key approaches to understanding economic resilience

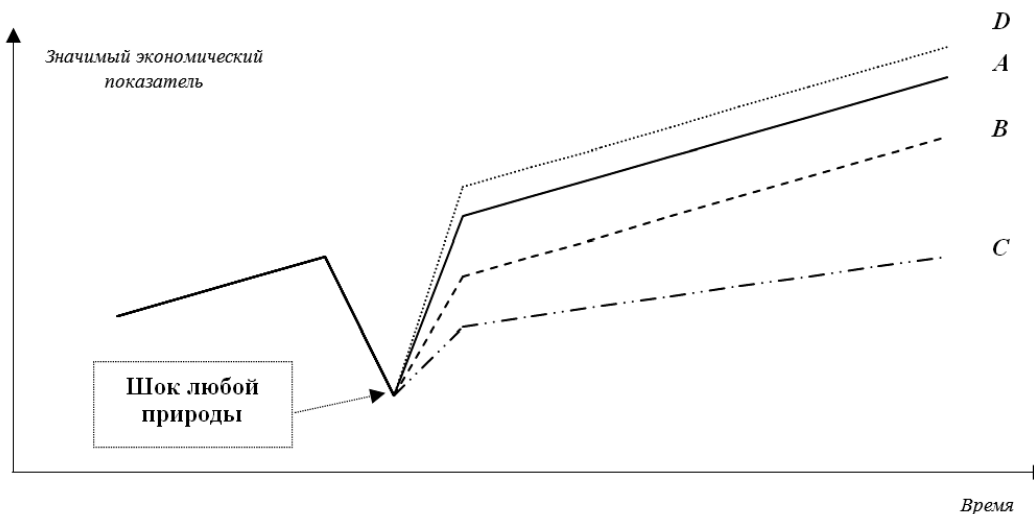

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 2
Возможные варианты динамики экономической системы в ответ на шоки

Figure 2
Possible scenarios of the dynamics of the economic system responding to shocks

Примечание. Кривая A – характеристика динамики восстановления докризисной траектории развития; кривая B – характеристика динамики восстановления на уровне ниже докризисного, но с сохранением докризисных темпов развития; кривая C – характеристика динамики восстановления на уровне ниже докризисного, но с замедленными темпами; кривая D – характеристика динамики восстановления от уровня выше, чем докризисный.

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 3
Факторы экономической резильентности

Figure 3
Factors of economic resilience

Источник: авторская разработка

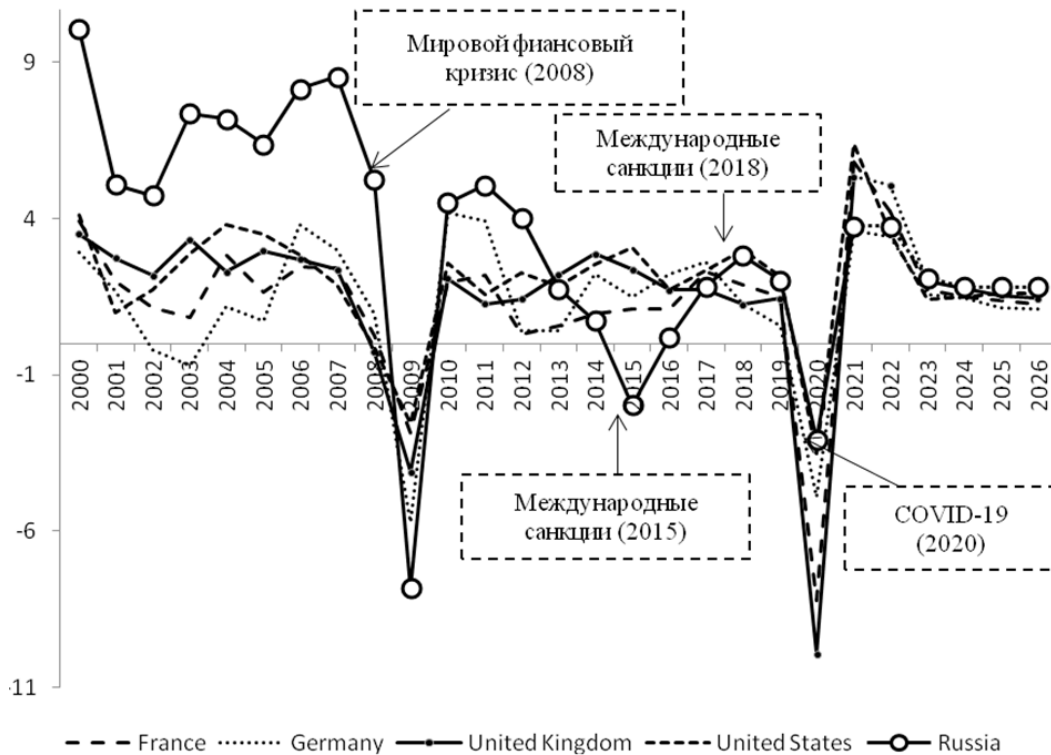
Source: Authoring

Рисунок 4

Прирост ВВП национальных экономик Российской Федерации, Великобритании, США, Германии и Франции, %

Figure 4

GDP growth in the Russian Federation, the UK, the USA, Germany, and France, percent

Источник: Международный валютный фонд. URL: <https://imf.org/en/Data>

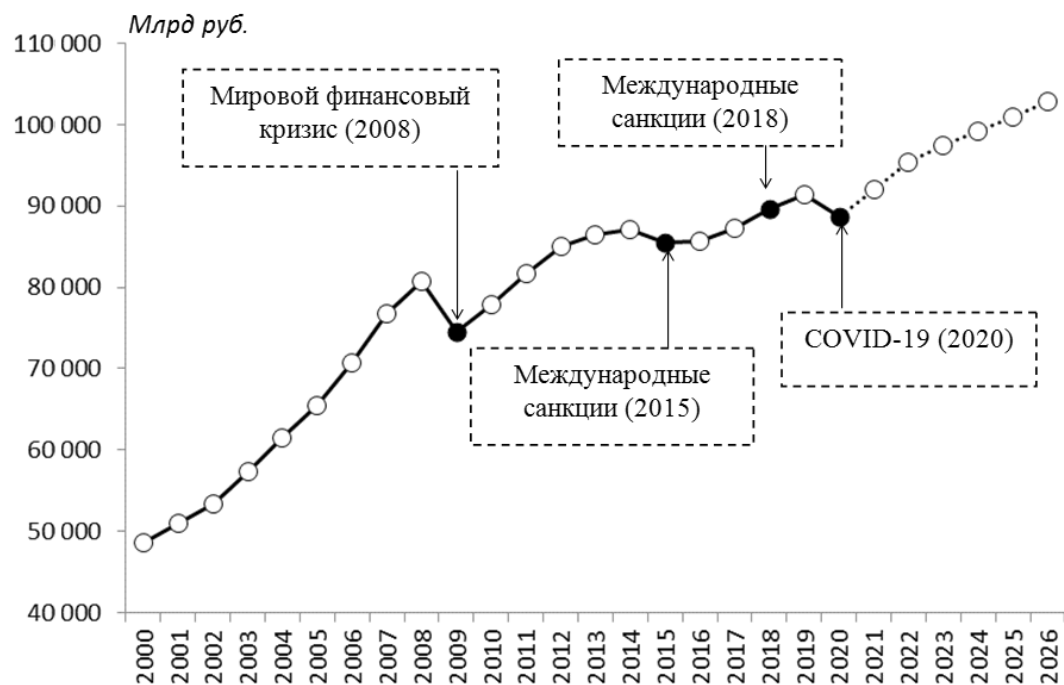
Source: International Monetary Fund. URL: <https://imf.org/en/Data>

Рисунок 5

Валовой внутренний продукт Российской Федерации за период 2000–2020 гг.

Figure 5

Gross Domestic Product of the Russian Federation for 2000–2020

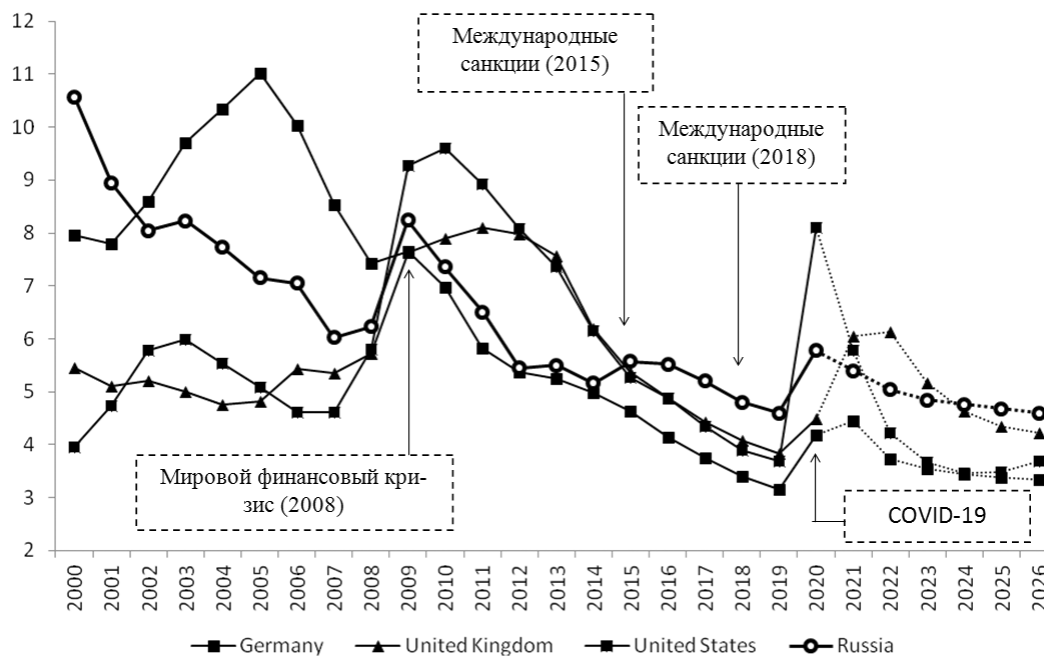

Источник: данные Росстата

Source: The Federal State Statistics Service data

Рисунок 6
Уровень безработицы в Российской Федерации, Великобритании, США и Германии, %

Figure 6
The unemployment rate in the Russian Federation, the UK, the USA, and Germany, percent

Источник: Международный валютный фонд. URL: <https://imf.org/en/Data>

Source: International Monetary Fund. URL: <https://imf.org/en/Data>

Список литературы

1. Yu Z., Razzaq A., Rehman A. et al. Disruption in global supply chain and socio-economic shocks: a lesson from COVID-19 for sustainable production and consumption // *Operations Management Research*. 2021. No. 3. URL: <https://doi.org/10.1007/s12063-021-00179-y>
2. Rose A., Liao S. Modeling regional economic resilience to disasters: a computable general equilibrium analysis of water service disruptions // *Journal of Regional Science*. 2005. Vol. 45. Iss. 1. P. 75–112. URL: <https://doi.org/10.1111/j.0022-4146.2005.00365.x>
3. West C., Lenze D. Modeling the regional impact of natural disaster and recovery // *International Regional Science Review*. 1994. Vol. 17. Iss. 2. P. 121–150. URL: <https://doi.org/10.1177/016001769401700201>

4. *Holling C.* Resiliency and stability of ecological systems // *Annual Review of Ecological Systems*. 1973. Vol. 4. P. 1–24.
URL: <http://jstor.org/stable/2096802>
5. *Lele S.* Resilience, sustainability environmentalism // *Environment and Development Economics*. 1998. Vol. 3. Iss. 2. P. 221–262.
URL: <https://doi.org/10.1017/S1355770X98260128>
6. *Tinch R.* *Resilience and Resource Management Under Risk*. Norwich: School of Environmental Science, 1998.
7. *Tierney K.* Impacts of recent disasters on businesses: the 1993 midwest floods and the 1994 Northridge earthquake. In: Jones B. (Ed.) *Economic Consequences of Earthquakes: Preparing for the Unexpected*. Buffalo, NY: National Center for Earthquake Engineering Research, 1997.
8. *Comfort L.* *Shared Risk: Complex Seismic Response*. New York, NY: Pergamon, 1999.
9. *Petak W.* *Earthquake resilience through mitigation: a system approach*. Laxenburg, International Institute for Applied Systems Analysis, 2002.
10. *Adger W.N.* Social and ecological resilience: are they related? // *Progress in Human Geography*. 2000. Vol. 24. No. 3. P. 347–364.
URL: <https://doi.org/10.1191/030913200701540465>
11. *Coad A.* The growth of firms: a survey of theories and employment evidence // *Papers on Economics and Evolution*. 2009. #0703.
URL: <https://doi.org/10.4337/9781848449107>
12. *Fingleton B., Garretsen H., Martin R.* Recessionary shocks and regional employment: evidence on the resilience of UK regions // *Journal of Regional Science*. 2012. Vol. 52. Iss. 1. P. 109–133.
URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.2011.00755.x>
13. *Hill E., Wial H., Wolman H.* Exploring regional economic resilience // Working Paper University of California, Institute of Urban and Regional Development (IURD). 2008. No. 4.
URL: <https://doi.org/10.13140/RG.2.1.5099.4000>
14. *Lagarde C.* *Building a more resilient and inclusive global economy*. Washington: IMF, 2017.
15. *Bristow G., Healy A.* Innovation and regional economic resilience: an exploratory analysis // *The Annals of Regional Science*. 2017. Vol. 60. No. 2. P. 1–20. URL: <https://doi.org/10.1007/s00168-017-0841-6>
16. *Courvisanos J., Jain A., Mardaneh K.K.* Economic resilience of regions under crises: A study of the Australian economy // *Journal of Regional Studies*.

2016. Vol. 50. No. 4. P. 629–643.

URL: <https://doi.org/10.1080/00343404.2015.1034669>

17. *Davies S.* Regional resilience in the 2008-2010 downturn: comparative evidence from European countries // *Cambridge Journal of Regions Economy and Society*. 2011. Vol. 4. Iss. 3. P. 369–382.

URL: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsr019>

18. *Martin R.* Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks // *Journal of Economic Geography*. 2012. Vol. 12. Iss. 1. P. 1–32.

URL: <https://doi.org/10.1093/jeg/lbr019>

19. *Акбердина В.В., Гребенкин А.В., Бухвалов Н.Ю.* Можелирование инновационного резонанса в индустриальных регионах // *Экономика региона*. 2015. № 4. С. 289–308. URL: <https://doi.org/10.17059/2015-4-23>

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

pISSN 2073-2872
eISSN 2311-875X

Sustainable Development of Economy

RESILIENCE FACTORS IN THE RUSSIAN ECONOMY: THE COMPARATIVE ANALYSIS FOR 2000–2020

Viktoriya V. AKBERDINA

Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (IE UB RAS),
Yekaterinburg, Russian Federation
akberdina.vv@uiec.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6463-4008>

Article history:

Article No. 309/2021
Received 27 May 2021
Received in revised
form 13 June 2021
Accepted 30 June 2021
Available online
16 August 2021

JEL classification:

F52, H12, O11

Abstract

Subject. The study investigates the impact of shocks on the economic dynamics during recurring crises. Nevertheless, the impact of exogenous shocks may turn to be minor for GDP of some countries, while they cause unfavorable consequences for the economic development of others.

Objectives. I herein identify factors of resilience in the Russian economy, referring to three different crises that took place in 2000–2020, by conducting a theoretical overview of the concept *Economic Resilience* and resilience factors of economic systems against different shocks.

Methods. The decomposition of macroeconomic indicators is the principal method of research. The resilience of the Russian economy and other advanced economies was assessed by macroeconomic indicators related to trends in GDP and the unemployment level. I point out two groups of factors – *the innate* and *acquired* (adaptability).

Results. During the global financial crisis in 2008, the Russian economy demonstrated its innate factors, such as the availability of considerable reserves and capital mobility between the financial and industrial sectors, as well as adaptive factors as part of the national anti-crisis policy. During the period of sanctions, the resilience of the Russian economy stemmed from the enormous potential of the industrial sector and R&D, considerable reserves for production development, which underlay the import substitution policy. Finally, in the outbreak of the 2020 crisis, Russia managed to handle the crisis much better than the leading countries of the world, since there is a prevalence of State-owned large business and the domestic localization of value added chains.

Conclusions and Relevance. The study substantiated the objectivity of resilience factors of the Russian economy during multiple crises, i.e. a combination of financial, commercial, political and pandemic crises.

Keywords: resilience, resistance, economic shock, crisis

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2021

Please cite this article as: Akberdina V.V. Resilience Factors in the Russian Economy: The Comparative Analysis for 2000–2020. *National Interests: Priorities and Security*, 2021, vol. 17, iss. 8, pp. 1412–1432.
<https://doi.org/10.24891/ni.17.8.1412>

Acknowledgments

The article was prepared as part of the State job assigned by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (IE UB RAS).

References

1. Yu Z., Razzaq A., Rehman A. et al. Disruption in Global Supply Chain and Socio-Economic Shocks: A lesson from COVID-19 for Sustainable Production and Consumption. *Operations Management Research*, 2021, no. 3. URL: <https://doi.org/10.1007/s12063-021-00179-y>
2. Rose A., Liao S. Modeling Regional Economic Resilience to Disasters: A Computable General Equilibrium Analysis of Water Service Disruptions. *Journal of Regional Science*, 2005, vol. 45, iss. 1, pp. 75–112. URL: <https://doi.org/10.1111/j.0022-4146.2005.00365.x>
3. West C., Lenze D. Modeling the Regional Impact of Natural Disaster and Recovery. *International Regional Science Review*, 1994, vol. 17, iss. 2, pp. 121–150. URL: <https://doi.org/10.1177/016001769401700201>
4. Holling C. Resiliency and Stability of Ecological Systems. *Annual Review of Ecological Systems*, 1973, vol. 4, pp. 1–24. URL: <http://jstor.org/stable/2096802>
5. Lele S. Resilience, Sustainability Environmentalism. *Environment and Development Economics*, 1998, vol. 3, iss. 2, pp. 221–262. URL: <https://doi.org/10.1017/S1355770X98260128>
6. Tinch R. Resilience and Resource Management Under Risk. Norwich, School of Environmental Science, 1998.
7. Tierney K. Impacts of Recent Disasters on Businesses: The 1993 Midwest Floods and the 1994 Northridge Earthquake. In: Jones B. (Ed.) *Economic Consequences of Earthquakes: Preparing for the Unexpected*. Buffalo, NY, National Center for Earthquake Engineering Research, 1997.
8. Comfort L. *Shared Risk: Complex Seismic Response*. New York, NY, Pergamon, 1999.
9. Petak W. *Earthquake Resilience Through Mitigation: A System Approach*. Laxenburg, International Institute for Applied Systems Analysis, 2002.
10. Adger W.N. Social and Ecological Resilience: Are They Related? *Progress in Human Geography*, 2000, vol. 24, no. 3, pp. 347–364. URL: <https://doi.org/10.1191/030913200701540465>

11. Coad A. The Growth of Firms: A Survey of Theories and Employment Evidence. *Papers on Economics and Evolution*, 2009, #0703.
URL: <https://doi.org/10.4337/9781848449107>
12. Fingleton B., Garretsen H., Martin R. Recessionary Shocks and Regional Employment: Evidence on the Resilience of UK Regions. *Journal of Regional Science*, 2012, vol. 52, iss. 1, pp. 109–133.
URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.2011.00755.x>
13. Hill E., Wial H., Wolman H. Exploring Regional Economic Resilience. *Working Paper University of California, Institute of Urban and Regional Development (IURD)*, 2008, no. 4.
URL: <https://doi.org/10.13140/RG.2.1.5099.4000>
14. Lagarde C. Building a More Resilient and Inclusive Global Economy. Washington, IMF, 2017.
15. Bristow G., Healy A. Innovation and Regional Economic Resilience: An Exploratory Analysis. *The Annals of Regional Science*, 2017, vol. 60, iss. 2, pp. 1–20. URL: <https://doi.org/10.1007/s00168-017-0841-6>
16. Courvisanos J., Jain A., Mardaneh K.K. Economic Resilience of Regions under Crises: A Study of the Australian Economy. *Journal of Regional Studies*, 2016, vol. 50, no. 4, pp. 629–643.
URL: <https://doi.org/10.1080/00343404.2015.1034669>
17. Davies S. Regional Resilience in the 2008–2010 Downturn: Comparative Evidence from European Countries. *Cambridge Journal of Regions Economy and Society*, 2011, vol. 4, iss. 3, pp. 369–382.
URL: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsr019>
18. Martin R. Regional Economic Resilience, Hysteresis and Recessionary Shocks. *Journal of Economic Geography*, 2012, vol. 12, iss. 1, pp. 1–32.
URL: <https://doi.org/10.1093/jeg/lbr019>
19. Akberdina V., Grebyonkin A., Bukhvalov Yu. [Simulation of Innovative Resonance in the Industrial Regions]. *Ekonomika regiona = Economy of Region*, 2015, iss. 4, pp. 289–308. URL: <https://doi.org/10.17059/2015-4-23>

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.